

18+

Mertvezki Mertvezki

...И ГРЕЗЫ ИХ ЯСНЫ...

Mertvezki Mertvezki
...И грезы их ясны...

«Издательские решения»

Mertvezki M.

...И грезы их ясны... / М. Mertvezki — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-600766-6

...Маня ласково погладила себя по ягодицам: «Когда я была маленькой, папа посадил меня на кактус...» — задумчиво произнесла она, чтобы как-то сократить ожидание. В небе пророкотал тяжелый бомбардировщик. Заговорили зенитные орудия. Пробежал Ванька Темкинс огнетушителем. Запахло паленым. Маня прикурила и продолжила: «А теперь я стреляю сигареты у пролетающих мимо самолетов...» Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-600766-6

© Mertvezki M.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Опиум для народа	6
I	7
Глава 1	8
Глава 2	9
Глава 3	10
х о- о-оо-о-о – оо-ооооо...	10
Глава 4	11
Глава 5	12
Глава 6	13
ТАМ!!!	13
Глава 7	15
Глава 8	16
Глава 9	17
Глава 10	18
Контроля!!! -ля	18
Глава 11	19
Глава 12	20
II	21
Глава 1	23
Глава 2	24
Глава 3	26
Глава 4	27
Глава 5	29
Глава 6	30
Глава 7	32
Глава 8	33
Глава 5	34
Глава 10	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

...И грёзы их ясны...

Mertvezki Mertvezki

© Mertvezki Mertvezki, 2023

ISBN 978-5-0060-0766-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

...И

ГРЁЗЫ ИХ ЯСНЫ...

1994 – 1996

Данная книга является художественным произведением, не пропагандирует и не призывает к употреблению наркотиков, алкоголя и сигарет. Книга содержит изобразительные описания противоправных действий, но такие описания являются художественным, образным и творческим замыслом, не являются призывом к совершению запрещенных действий. Автор осуждает употребление наркотиков, алкоголя и сигарет. Пожалуйста, обратитесь к врачу для получения помощи и борьбы с зависимостью.

Длинному

Живому

рок-н-роллу

посвящается

«Long Live Rock'n'Roll»

...И лица их мирны

и грёзы их ясны..

(Ф. Сологуб)

Часть 1

Опиум для народа

*...Всё плохо...
(Песня Маши)*

I

Глава 1

Времени нет. Мы никуда не успеем. Мы никуда не опоздаем. Какие катаклизмы!? Какие ядерные войны!? Нет времени!!! Прошлое – бесполезно. Будущее ехидно безмолвно. Какой век? Какой мир? Так никогда и не будет ответа.

Нет
вре-
ме-
нии-и-и!!!

Эх!

Нет агрессии.

– Вы хотели когда-нибудь убить человека?

– Ах, естественно, и лучше всего вот этого, или другого, или меня. Как мягко нож входит в тёплую ткань, и ручейки, и белочки, и мельхиоровые ложечки. А-а-а-а!!! Мерзавец!!! А в чём у нас руки!? И где мы все? В дерьме. В дерьме? В дерьме!!! А-а-а-а-а...

Нет агрессии. Нет времени. Нет бодрости. Бодрость, бодрость – как пёс на привязи шагает за жизнью...

...Пёс поганый. Бодрость не порок. Но, всё-таки, почему?

ЗАЧЕМ?

Нет – бодрости! Станет мягче, легче, тише. Сладкий нектар небытия там и бытия тут. Когда *это* было? А вдруг *это* будет?

Нет времени, нет понятия, нет смысла.

Сделайте что-нибудь! Сбейте меня палкой, иначе я улечу туда. Там нет времени, нет места, нет цели.

И – никаких инсинуаций!

И
ничего
уже
не
будет.

Глава 2

Даниил Вячеславович возвращался на исходные позиции.

Тяжела ты, доля Главного. Звание Главного давит на плечи, стискивая сердце и выдавливая печень. Главный У Наших. Куда мы перемещаемся? Враги не дремлют.

Главный У Наших Даниил Вячеславович возвращался на исходные позиции.

Из земли, освободившейся от снега, гадливо поглядывали синтетически-зелёные, первые проростки Новой Травы. Попахивало весной. Остались за Той Рекой злобные Враги.

Попахивало весной. Главный У Наших Даниил Вячеславович возвращался на исходные позиции. Ломало. Зимой-то Враг не дремал. Чёрные Жители пропали. Точно действовал Враг. Пропали Чёрные Жители. Никто, кроме них, не знал про заповедные места. Сильно ломало. Жирные мухи гадили на солнце.

Ломало. Попахивало весной. Главный У Наших Даниил Вячеславович возвращался на исходные позиции. Как влитой сидел он в седле и шаловливо размахивал длинной косой. Коса всегда была при нём. Прирождённый боец, умудрённый опытом и победой.

Коса всегда была при нём, хотя и ломало, но попахивало весной, Главный У Наших Даниил Вячеславович возвращался на исходные позиции. А ведь совсем молодой ещё...

И семенил, держась за хвост боевого коня Главного, бодрой (о-о-о), узнаваемой походкой типа «Не взяли...», лихой, горячий парень **Ванька Тёмкин**.

«Не уступили Враги. Не наше сейчас Время (*нет Времени, Времени нет*)» – думал думу Даниил Вячеславович, Главный У Наших.

Ломало. Но, определённо, попахивало весной. И при нём всегда была коса. На исходной позиции.

Глава 3

– Что Вы знаете про Врага? Ничего Вы не знаете. Всё про Врага, о нём и для него, знал только лишь один Создатель, он же Начальник Контрразведки Наших, а именно, смело шагнущий на страницы нашего вольного повествования, **Григорий Недопетый**.

Он всё знал про Врага, но никогда о нём не думал. Вообще не думал. Он был Создателем, но никогда ничего не создавал. Он был, но его не было. Его искали, и он всех находил. Если здесь, то всегда только там.

Энергия, энергия. Не-е-ет! Это вовсе не бодрость. Здесь нет времени, нет бодрости.

Умел Григорий смекалисто не понять, чего он хочет. Нраву был изошрённо-извращённого. К Музыке испытывал физиологическую страсть и платонически любил Великое Искусство. Он сам назвался Создателем. Хотя никто и не проверял, но все поверили.

Вот и сейчас Создатель, пронзив телепатическим взглядом мутирующего таракана, методично размазывал его по стене.

– Ну, Григорий, и тебя ломало? Не дремлют Враги. Ты знаешь это. Пропали Чёрные Жители.

«Всё плохо...»

Всё плохо...

Всё плохо...» – жуж-ж-ж-ж-ит в ушах голос Главного.

«Не взяли...» – шагает, семена, Ванька Тёмкин.

– Дзынь! Дзынь! – бьётся в стёкла, как экзотическая птичка, отстрельщица Врагов, боевая подруга его **Маша Бодрова**.

В с ё п л о х о

В с ё п л о х о . . .

Х 0- 0-00-0-0 – 00-00000...

Мы тупеем на этой войне. (*Где-то это уже было*). Нет – войне, нет – бодрости, нет – времени.

«Елдызь...» – упал-таки в в весеннюю грязь Хранитель Большого Боевого Барабана **Осип Мухин!** Лицо его мирно.

Не взяли.

Пропали Чёрные Жители.

Глава 4

Желтое солнце, гадливые проростки Новой Травы. Скоро будем дома. Без места, без времени, с покоем. Сладким сном спит Неизвестный Наш.

Всё было, есть, будет и ничего не будет. Улыбка блаженна. Слипаются глаза... Страсти... Женщины... Любовь.. мужчины... юность... лёгкое дыхание... волнующие прикосновения... храп...

...И снится мне дивный сон. Будто ты только проснулась, и тело сохраняет ещё тепло ночи. Боги! Почему вы не отняли у меня память?

Твой голос ещё не окреп со сна, но я уже виновен. «Прости меня» – я знаю, ты ненавидишь эти слова, но в *моём* сне ты не умеешь злиться.

Боги! Почему вы не отняли у меня зрение? Почему в этих серых глазах я вижу отблески костра, зажжённого Великим Бесом? Я видел, куда иду. Я прекрасно знал это. Боги! Боги! Почему вы не отняли у меня разум?

Миллионы звёздочек зажглись на твоей нежной коже. Какое чудное озорство... удовольствие... и боль. Она была всегда, в тебе, во мне. Даже тогда, когда счастье можно было потрогать руками. И я люблю *сейчас* эту боль. Её не будет, когда я проснусь.

Только поэтому я ненавижу, но почему-то понимаю твой страх.

Боги! Хорошо, что вы не взяли у меня сердце. Именно там есть место для каждой капельки твоих слёз, для каждой секунды твоего смеха.

Боги! Почему вы не отняли у меня любовь? Почему меня вы называете счастливым человеком? Почему вы всегда и во всём правы? Почему я так верю вам?

Хорошо, что я так верю вам!

Пора просыпаться. Это крылья, ваши крылья, касаются меня. Я открыл глаза: «Доброе утро, солнышко!»...

...Желтое солнце. Гадливые проростки травы. Новой Травы. Скоро будем дома.

Глава 5

Осип Мухин! Возвеличенный почётной обязанностью. Прикованный, как Прометей, как Вечный Узник, к Большому Барабану. Не горячись, Осип Мухин. Жизнь – белая лошадь, по кличке Зёбра, с чёрными полосками. Шагай шире, не наступи на вымя, не дай пролиться звёздному молоку. Или испей его. И упади. И накройся Большим Барабаном, хранитель Осип Мухин

Вспомни тебя, Осип Мухин, ты и появишься. А, может, в душе ты мечтаешь о Белом Пароходе? Ты страшен в своей радости. Ты красив в своей печали. Ты аккуратен в любви. Ты – Осип Мухин.

Какая фея поцеловала тебя в светлую макушку? А, Осип Мухин?

Кто одарил тебя ангельским терпением и яростью Арогонского Тушкана?

Как ярок ты в атаке, как заметен в каждой песне! И будет счастлива та, которую ты будешь целовать в ушко жаркой южной ночью...

... – Елдызь!!! – упал-таки в весеннюю грязь Хранитель Большого Боевого Барабана Осип Мухин.

Глава 6

– Как будем жить дальше? – вопрошал Даниил Вячеславович, хмуро перекосив рот. Создатель Григорий медленно злился, глумливо ковыряя сабелькой в схеме Любимой Игрушки Главного.

Угрюмо сидел и молчал **Умный Шаман**. Говорил он редко. Мешала борода и чувство ответственности.

Маша Бодрова нервно ходила по периметру:

Маша едет на Базар,

Маша едет на Базар – тихо пела она, но ей было всё равно.

– Базар у Врагов, – сообщил Григорий. Он знал про Врага всё.

Любимая Игрушка Главного заискрилась. Создателя удовлетворённо и резко перекинуло в другой угол избы.

Ах, как взвился Главный, как, по-молодецки лихо, разлил скользкий чай по стеклу окна!

– М А Ш А... едет...

...на Базар...

Ма – ша..???

еде – т-т-т-т-т-т-т-т-ть

на

Ба

За

PPP...

Умный Шаман молчал. За околицей, по-весеннему звонко, запел Ванька Тёмкин.

В прихожей царапался в дверь Хранитель Барабана Осип Мухин.

– А что-нибудь будет? – вопрошали эти короткие звуки.

– Ничего не будет, пока ничего не будет! – это Даниил Вячеславович нашёптывает.

– Будет хорошо, но не долго! – эх, правильно добавила Машенька.

Где?

Где?

Где? Где? Где?

Где?

Где?

ТАМ! ТАМ!

ТАМ! ТАМ!

ТАМ!!!
Т А М!!!

Перед Главным стоял Перемещатель Наших Идей **Флагман Амор**. Короткое отсутствие длины волос говорили о нестандартном, хитром мышлении. Асимметрия лица показывала: «Да, действительно ТАМ...»

...Кони, кони! Эх, ах, ух, как вы мчите наших героев в неведомое ТАМ, где есть ЭТО.

Вон оскалил зубы в ослепительной садистской улыбке Даниил Вячеславович.

А как прищпоривает скакуна Создатель Григорий Недопетый! Он знает всё про Врага и, возможно, догадывается, что ТАМ его нет.

И Умный Шаман пожевывает бороду и улыбается, да чего там, просто хохочет чёрными, пока ещё большими зрачками.

Бьёт ветер в лицо, здоровое лицо Маши Бодровой. Куда она скачет? Зачем? Да не зачем! Чтобы ветер хлестал в здоровое лицо, ослепляя на мгновение пылью и птичьим помётом, поднятыми с земли.

Несутся кони. Горят глаза. И встали.

И стоят.

И ждут.

И обомлели.

Все обомлели.

Поле.

Солнце.

Ранняя середина весны.

И всё-таки поле.

И созрел.

И красный.

И весь Наш.

– М А К!!! – прохрипел Даниил Вячеславович. – Сабли наголо! Разводи костры!

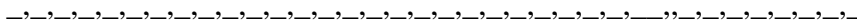
Глава 7

ДА!!!

Глава 8

ЕСТЬ!!! Хорошо!!! ХОРОШО!! Хорошо!

Глава 9

Глава 10

Нет контроля!
Нету контроля!

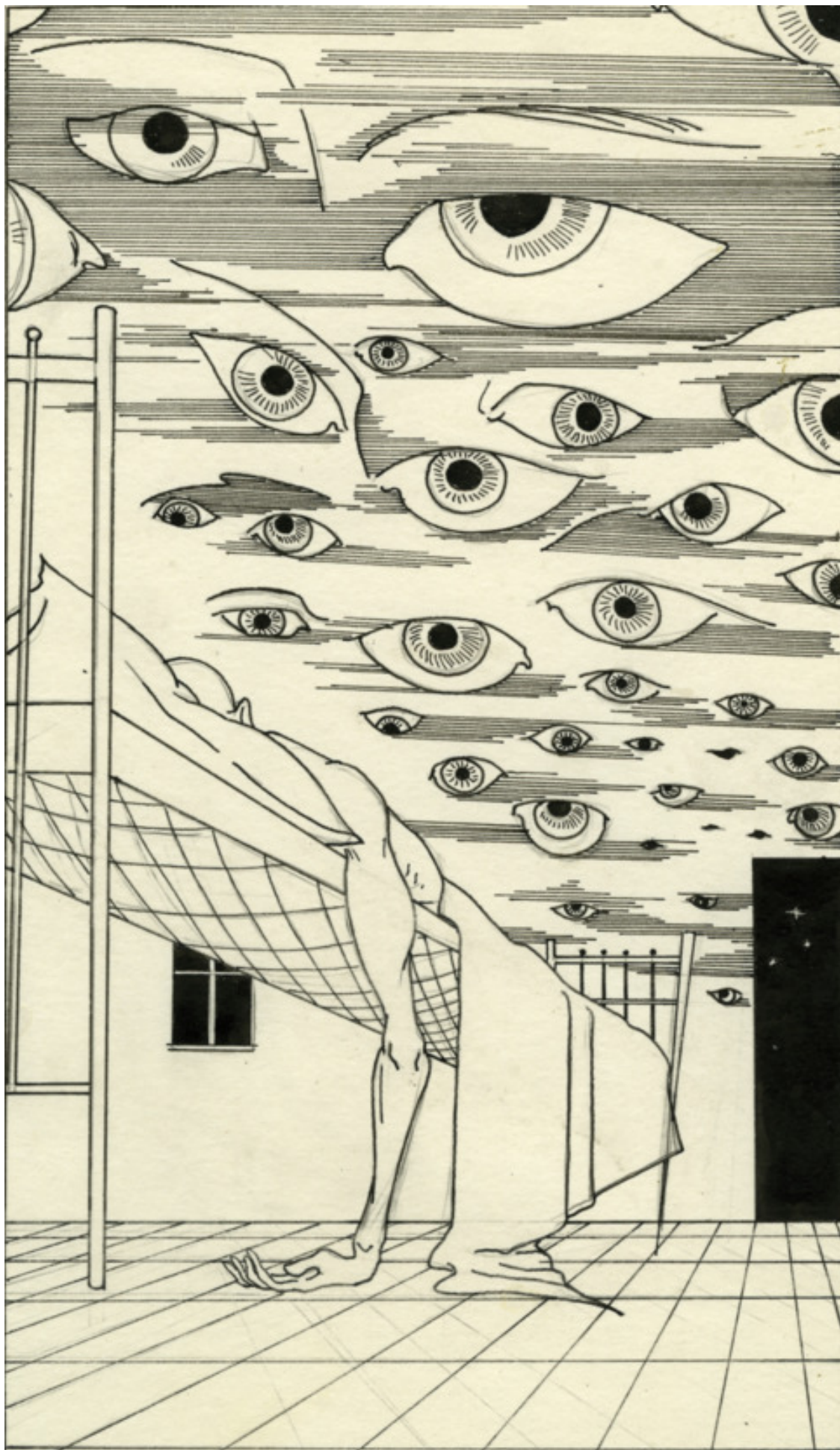
Контроля!!! -ля

– ля -ля -ля

Глава 11

Всё. Ничего нет. И ничего уже не будет.

II

Глава 1

Совершенно Секретно
Приказ №3—14—11—2

Ввиду повального увлечения Бодростью, считать ее неудовлетворяемым состоянием, деморализующим Наших.

Принять все меры по пресечению нежелательных последствий этого вредного факта. Бойцам больше не давать. Ничего больше не будет.

Вышеуказанные меры, а также неустанную борьбу, вести в соответствии с нижеуказанной инструкцией.

Инструкция:

1. Не стреляйте в Белых Лебедей.
2. Если помните, то скорей забудьте.
3. Никогда не говори никогда.
4. Не выходи из дома без соответствующих приспособлений
5. Светлые песни исполнять только на перегруженной аппаратуре.
6. Смотреть на Синие Волны.
7. Лаская животных, помни – они могут быть умертвленными тобой.
8. Уколы Бодрости испытывать с неприязнью.
9. Крутящийся Друг – вечен.
10. Помни: « Как Пса не корми, а он все равно бодрится»
11. Бодрость – бальзам на раны Врага.
12. Там, где нет ничего, ничего уже не будет.

За невыполнение инструкции и в случаях ее нарушения – вешать, вешать, вешать и вешать! Никаких поблажек. Враг не дремлет. Черные Жители пропали.

Глава 2

*О, пытливый наблюдатель,
Выкинь скальпель, сядь, Послушай...
(Мрачный Кречет)*

Никогда, никогда не было так легко, как этой прозрачной до зеркального блеска, ночью. С хриплым присвистом носились мелкие Лунные птахи. А сама Луна с хрустом вгрызалась в мозг и перемалывала идеи. Нет сна. Мягко, с кошачьей нежностью, что-то ласково щебечет Счастливая Труба. Печаль. Степная печаль. Степь. Жизнь. Молодость и красота. Какое странное чувство.

Какая отточенная страсть. Почему ты еще не умерла? Почему ты опять не умерла? Хочется петь. Голос ушел, навсегда ушел. Подло и грязно оставил изнурительный хрип. Этот хрип у нас песней зовется.

Давай построим дом и подгадаем на крыльцо! Давай нальем бокал кроваво-красного вина и плюнем в колодец, и в вино, и в глазик. Друг другу. Ты мне – я тебе. Люди – волки, люди – мухи, люди – Мухин...

...С шумом захлопнув дверь бункера, к свету, к Лунному свету, вышла Добрый Врач, Животнoлюб и Старший Вивисектор, мечтательная и живая, умудренная и просветленная **Маня Мертвецкая**.

Капельки росы, слюны и спинно-мозговой жидкости повисли на ее тонких, изящных пальцах...

...Собачка умерла.

– Это Пес, это Пес – оправдывала себя, нервно вздрагивая, Маня. Но на душе было скользко.

Ах, женщины, отмеченные сладким поцелуем Праздничной Смерти. Сколько в вас неприкрытой радости, солнечной ночи и общей, захватывающей, перспективы!

Сбросила Маня в сточные воды ненужные конечности, органы, кости, и сама будто освободилась от ненужного тела. И летит! И летит. Счастьем светится ее полет.

А там, внизу, Вольный Охотник **Костя Краснухин** вскидывает помповое ружье и сладко, печально шепчет: *«Солнце, солнце зовет меня в свое жаркое лоно. Идти к нему, ползти, грызть теплую землю, нагретую его лучами и выть от тоски. Выть по-щенячьи, зная, что сам уже ничего, никогда не сможешь сделать. Пусть придет небесный огонь! Пусть пожрет все вокруг и очистит души, завязавшие в сумерках бессильных размышлений.*

Но я здесь не за этим...

...Глубоко вздохнуть, поймать в прорезь прицела эту прекрасную песню молодости и нажать на курок. И все! И слезы по щекам. Слезы солнца, уходящего прочь»

И грянул выстрел. Но ошибся Костя Краснухин, не птица это, а счастливая Маня Мертвецкая. И летает на облаках Лунного Ветра. Только ночью. Как дано только немногим. И еще раз ошибся Костя Краснухин. Не убить некоторых пульей! Не убить! Дайте, дайте серебра и оборвите крылья, и задушите Счастливую Трубу. Но не убить некоторых пульей.

И третий раз ошибся Вольный Охотник Костя. Рожденный в лесу, укушенный всяким неприличным зверьем, не знал он – лишь Мертвая кровь, Мертвая кровь заменит его меткий выстрел, лишь мертвая кровь оградит животных от последней ласки, заставит Нас танцевать самый светлый, самый жаркий и возбуждающий танец с Той Которая Всегда.

И заплакал пораженный неудачей Костя Краснухин. И, кажется, пела чистую песню Добрый Врач Маня Мертвецкая...

...За околицей, по-утреннему хрипло запел Ванька Темкин. Убегала, убегала далеко на запад Хозяйка Луна, маленькая хозяйка такого большого дома.

Солнце выпирало из-за леса. Вставали Наши. Вставали где-то Враги, которые не дремлют. Лучик обжег тонкие изящные пальцы.

На Большом Холме торчал умный Шаман.

Ночь ушла. Маня Мертвецкая с шумом захлопнула дверь бункера. Ее ждала работа. Тяжелый, изнуряющий труд, большие надежды.

Спасибо тебе, Маня! Спасибо за тех, кто здесь, и тех, кто там. За чистые стерильные столы и мерзкие следы разложившейся плоти на них, тоже спасибо! За воду в блюде и за полное отсутствие Шляпы, страшной и пугающей нас своей Бодростью – спасибо тебе, Маня Мертвецкая!

Глава 3

Где кончаются сказки? Маленьким мальчиком брожу я по свежеуложенному асфальту. Тепло поднимается от пяток. С трудом даются шаги. Суровый дядька грозит мне лопатой, но не решается подойти и вломить. Его ноги обуты в тяжелые сапоги, он не чувствует тепла снизу. Он завязнет. А я двигаюсь, вязну в черном месиве, но двигаюсь. Никого рядом. У всех есть Шляпы. Никто не пойдет со мной. Двигаюсь. *Перемещаюсь*. Вот оно! Надо перемещаться. Кому это надо...?

Я стою на асфальте
И я в лыжи обутой
То ли лыжи не едут
То ли я...

...Да, вот таким вот образом. Наши не любят Шляпы. Когда есть Шляпа, ты не пройдешь по асфальту, свежему, теплomu, дымящемуся асфальту, мне навстречу. Ты не уберешься на пути к высокой цели. Шляпа быстро докажет тебе, что окно – это стеклянная дырка, и ты никогда не научишься летать. Никогда.

Шляпа – ошейник сознания. Сознательный шенок, имеющий Шляпу, уже не станет Запредельным Псом, играющим с Крутящимся Другом.

Шляпа – символ Врагов. Они изобретательны, но Шляпа их постоянна. Логична и последовательна. Рациональна и абсолютно квадратная...

А я иду по свежему горячему асфальту. Может здесь кончаются сказки?

Или сказки кончаются жаркими, бешено-необузданными ночами? Есть желание, еще нет любви. Упоение. Мятое белое полотно и неровные, бледные, желтые цветы на нем. Цветы тела. Еще нет любви. Садовник, скорей сотри их с белого полотна, иначе твоя мама, заметив их, будет ругать твою неряшливость и думать о том, как быстро растут дети. А когда тебе станет наплевать, кто увидит эти цветы, сказки закончатся?

Может это будет у больничной двери? Ты стыдишься себя, всех, всего. Ты, наконец, понял – любовь уже есть. Только сейчас... Где слово мужчины? Где твоя власть? Ты умеешь бояться.

И вот появилась Она. Вас снова только двое. Нет времени. Нет пространства. Все будет прекрасно. Будут цветы тела, желания, боль, смех, упоение. Но никогда, слышишь, никогда, Она не забудет того, кто остался за белой больничной дверью...

Здесь кончаются сказки? Или в поисках острых предметов? Или глядя на удручающе-розовые дороги? В не находимых, так нужных нотах? В голодных глазах Настоящих Мужчин?

Где кончаются сказки!? Когда!? ...Если нет времени, нет места, и ничего уже не будет – сказки длятся постоянно. Обрываются, начинаются с середины, колесят по кругу. Рыдают и безумно смеются. Размножаются и убивают...

...Жили-были Наши...

Глава 4

*Старый блюзм-э-э-и
Робко пря-а-ч-е-т
Тело жирное
В утес-с-а-а-а-А-А-х!
(Народный Индейский Фольклор)*

Осип Мухин, Хранитель Большого Барабана, искал грибы. Его друг, негр Ник Тайсон, умирал и просил уши. И Осип пошел за грибами. Загадочное, неродное слово уха, не по-доброму витало возле его уха.

– Чего это? Вот ведь мерзкое слово.

Осип знал грибы, верил им, слушал, кушал и думал их. Грибы водились в Лесу. Как только кончалась Степь, сразу начинался Лес. Осип Мухин искал грибы...

В центре Степи, на загаженном матрасе, умирал Ник Тайсон, негр и друг...

Вдруг прислушался Осип. Чуждый запах уловили его чуткие ноздри.

– Враги! – атакой ударила Шальная Мысль. Врагов было трое: Хозяин и два Раба. Они сидели на корточках и варили суп.

Эскимосы варят суп
Супа будет целый куб —

в критические моменты Осип Мухин нередко говорил стихами и обладал математическим мышлением: «Куба должно хватить». А еще Не наших Осип называл эскимосами, хотя все трое были китайцами.

Внимательно залезая на дерево, Осип Мухин изучал Врагов.

У Хозяина было очень здоровое лицо. «Даже здоровее, чем у Маши Бодровой», – почему-то подумал Осип. Именно в это лицо, промеж раскосых глаз, и всадил он первую пулю. Вторую не всадил никуда. По грибы Осип Мухин носил только один патрон – для себя. Хозяину хватило и первой. Он грустил, обиделся и умер в муках.

Оставшиеся Враги иступленно пели не Нашу песню про «Малютку» и не подавали признаков неудовлетворения.

– Осип Мухин! – представился Осип и упал с дерева. Представился. Минут на десять.

– Осип Мухин! – очнулся и начал повторяться Хранитель Барабана.

Песня прервалась.

– Хот-Хипин – это хайрастый, в фенечках и мулечках Враг назвал себя. Второй, задумчивый и окольцованный, вяло добавил: «Дог-Дэн», – и снова начал петь.

Мысли Осипа Мухина текли в нужном русле: «Поют, играют, полные идиоты на первый взгляд, – он внимательно присмотрелся, – И на второй тоже. Значит могут стать Нашими».

– Шляпуними – бросил он Дог-Дэну.

– Чего?

– Шляпу, говорю,ними и пошли со мной, сволочи. Будете у наших Блюзастыми Диверсантами.

...Пылила дорога. Куражилась Степь. Возвращался Хранитель Большого Барабана Осип Мухин и Новые Наши. Удовлетворенная усталость светилась во влажных, чистых глазах Осипа. Еще двое бойцов, оставив Шляпу, влились в ряды наших. Солнце плевалось яркими колюч-

ками. Все больше виднелись Хорошие Трубы, вспоминалась Счастливая Труба. Все было хорошо. На грязном матрасе, наконец-то, не отведав ухи, тихо скончался Ник Тайсон.

– Елдызь!!! – упал-таки..., а нет, подхватили под белые руки Новые Наши, своего спасителя Хранителя Большого Барабана Осипа Мухина.

Глава 5

О, закружи меня Ветер Странствий! Тянет, тянет на Землю без времени и пространства. Тянет в Степь. И, словно Степной Волк, несется на лихом коне Создатель Григорий. Ниоткуда, позабыв про всё, и в никуда, не вспоминая ничего.

– Идите вы все...! – и плёточкой лошадку по волосатой заднице. А вслед Григорию погоняет своего Вороного Главный у Наших Даниил Вячеславович. Резвятся они. Куражатся.

Кому какое дело до их совести, радости и патологии.

– Ты мне жизнь угробил! – празднично кричит Даниил Вячеславович.

– Зато песни какие!!! – доносится в ответ.

Да, так и мчатся! Степь! Разлетается Степная Печаль на лёгкие слезинки и виснет на мордах лошадей.

Почему у лошади грустные глаза? Веселятся уши, хвост, ноздри – а глаза грустные. Знает видно она: как отпадёт в ней надобность, как состарится, так и ляжет на стерильный стол, под тонкие, изящные пальцы Мани Мертвецкой. И будут они томно копошиться, в когда-то живых кишочках, печёночках, сердечках. И тёплый, приторный запах крови замутит светлую голову Доброго Врача.

– Нет, нет Маня! Это мёртвая кровь!

И оближется Маня и дальше станет нескромно ковыряться в сердечках, печёночках, кишочках...

...Печень. Печёночка. Клоака. **ВОНЬ!**

Не лъсти себе, не ладан, не розовые лепестки, а всепоглощающая вонь.

Как долго милое тело пахнет клубникой? Пока печень, прокуренная, пропитая, задохнувшаяся в морфине, расплавленная Белым Огнём, пропустившая через себя шоколад, слёзы, ангину и гонорею, ненависть и любовь, трупы, шампанское, деньги, окна, манящий асфальт и Священные Костры, деятелей и блядей, Солнце и Луну, песни, пляски, ноты, всю эту чёртову МУЗЫКУ – пока эта печень не эволюционирует в клоаку: **т е л о б у д е т п а х н у т ь к л у б н и к о й**. А пальцы уже ладаном.

Мы забыли родиться, как постоянно забываем умереть. Хочешь познать невинность – иди к тем, кто вспоминает, и это будет Вселенский Оргазм, отупляющий и бездушный, бездарно-розовый и ненужный, как всё великое...

...Грустные, грустные глаза лошадей и бесшабашная скачка в Степи. Убегают, убегают от Ужасной Белки, убивающей быстрее Мёртвой Крови (слышь, Маня, гораздо быстрее).

Так садись и ты на коня и в Степь, в Степь...

...Стучат копыта, тысячи копыт, миллионы. И далеко-далеко раскрывает пасть такая родная, но, увы, Ужасная Белка.

Глава 6

Передонов смотрел на веющий в толпе веник. Он казался ему недотыкомкою. «Позеленела, шельма», – в ужасе решил он.
(Ф. Сологуб)

Иду, курю
(Ф. Чистяков)

Все дороги ведут в Борщ На Колёсах. Под колёсами – трава
(Архив Контрразведки)

Борщ На Колёсах считался святым местом. Он очаровывал своей неизбежностью, засасывал своей светлой тоской, и не давал Бодрости.

– Все дороги ведут в Борщ, – пела Маня Мертвецкая, и вторила ей Маша Бодрова: «От Борща Борща не ищут». И была права. Никто не мог найти Борщ. Как никто не мог видеть Торча. Борщ и Торч, рука об руку, всегда вместе, сами находили своих почитателей.

Борщ – место изучения Нуль Перехода, Борщ – центр Перемещений. В самом центре, обдирая сухие листики, вглядываясь в Корень Жизни, находилась в процессе изысканий **Зина Нулевич-Чудесная**. Она мыслила. Или спала.

Холодные глаза. Зовущие руки. Тёмные, ниспадающие волной, шелковистые волосы, зелёный дымчатый нимб над головой. Подобный незамутнённому стеклу взгляд. Как тут не пасть на колени и не отдать последнюю папиросу?

Этим и жила Зина. Не было в Контрразведке Наших более ценного агента. Враги знали: пришла Зина – ушла Зина – пришла Та Которая Всегда. Не помогали зеркальные щиты – (Нулевич-Чудесная не отражалась в зеркале) и каменели Враги, удушливо кашляли, пораженные Зеленым Дымчатым Нимбом и, тихо попискивая, умирали.

Если Враг не сдавался, если наглед, если закидывал Шляпу на наши позиции, и никто не мог справиться, тогда звали и отправляли в разведку Зину Нулевич-Чудесную, да Машу Бодрову. И если совсем было туго, вызывали Доброго Врача Маню Мертвецкую.

...И какой только Безумный Бог создал тебя, о Зина Нулевич-Чудесная! Вот и ты, и ты тоже летучей мышью паришь в ночном небе. И паришь, паришь, давишь на мозговые извилины стремительным, как Ужасная Белка, черным крылом опытного упыря.

И тебе крови? Сколько же вас еще! Страшно. Вязкий ночной кошмар материализовался в этих полетах. Отходит ко сну Неизвестный Наш. Приветственным поцелуем прикасается к нему Зина. И нет покоя уже. Бледнеет его кожа. И только жажда, жажда Живой Крови!

...А за околицей, по-мужицки развесисто, ругался Ванька Темкин и вторил ему Вольный Охотник Костя Краснухин...

... – Ты представляешь, Зина, – это пришла из бункера Маня Мертвецкая, – чего я узнала-то!

– Ну?

Маня привычным жестом стряхнула с тонких изящных пальцев сгустки чьих-то легких и удивленно сообщила:

– Эти двое, – она неопределенно показала за околицу, – Заявили, что лезвие, ты слышишь, лезвие, используют для избавления от лишних волос!

– Ну, матушка, совсем заработалась. Не век же тебе все кожу да вены пилить. Не век же собачьи стаи под то самое лезвие заманивать. Смой, смой с рук твоих и пальцев, тонких и изящ-

ных, липкие внутренности тварей живых. Обрати взгляд свой на дела мирские, на хари волосатые да рыла небритые – не в Лесу поди живем, а в Степи! Очнись, очнись, Маня!

Зина была красноречива, зла и чертовски голодна. В рядах Наших кончались Девственники. Не было чистой Живой Крови. Уже месяц ничего не ела, а лишь вкусно вдыхала сладкий дым Зина. Длинный монолог истощил ее силы.

– Маничка! – примирительно предложила она. – Пойдем к Врагам. Очень кушать хочется...

...А на улице избавлялся от лишних волос Потап Плинтусов. Вихрем пролетели две тени. Толкнули его в правую руку, качнули опасную бритву, и захлебнулся Потап горячей сладко-соленой струей...

...А ведь Борщ на Колесах считался святым местом.

Глава 7

*Я – виночерпий. Вам достается яд.
(Мрачный Кречет)*

Дым, дым и еще раз дым! Никому не ведомый привкус странных корешков, аромат таинственного варева. Беги отсюда, коварный Враг, беги, ибо испробуешь раз, другой и еще раз захочется. Только Умный Шаман, только его просветленное сознание без всяких больших последствий уходит Туда и возвращается. Нет времени, нет пространства, скользкие коридоры его восприятия исписаны волшебными рунами. Бойся Враг, бойся Умного Шамана!

Вижу его бороду, слышу слова, но нет его рядом. Он нигде. Он везде. В дыму плывут, переплетаясь, баночки, вата, чашечки и пакетики, листики да стерильные ложечки. Точен глаз Умного Шамана. Наш не пострадает, а Враг мучительно вымрет.

Вы ли, любезные гости, к Смерти терпимы? Нет, ваш страх – страх скучный. Вы – вечные гости. На пальцах у вас жир, стеарин или воск. Вы только держите свечку. Будьте рядом.

Возмущайтесь, восхищайтесь, но, прошу – молча. Плач ваш расплескает смех, горе ваше вселит надежду. На этом и живем, этим и тешимся. Ничего не будет. И у вас тоже – ничего не будет. Смотрите и помните.

Помните, как страх, наш страх, такой близкий и задорный, раскачивает детские кровати! Помните, как в сотни раз соблазнительнее женщины, застывшие в оконных рамах! Все еще скучно?

Смотрите же, как вслед за Болью, иначе слишком пресно, рождается Любовь. Как это светлое чувство, этот милый зверек, слизывает выступившую кровь!

Ах, как он голоден, как похож на меня.

Я – Любовь, я – Весна! Я вязну в мартовской распутице, меня прибивают иглами к апрельскому солнцу, я сгораю на первых майских пожарах и восстаю из пепла к концу первой недели июня. Откуда это безумие? Откуда эти черные краски? Мои следы не пахнут серой, но полнолуние нарушает мой сон.

А Умный Шаман знай себе – колдует. Смотрите, любезные гости, но потом забудьте дорогу в его логово. Никто не может видеть Торча, но Торч видит всех. Прочь. Иначе придёт он за вами, положит в пакетик и унесет.

Весел и заманчив путь Наш. Светлые праздники, невнятные мелодии, ласковые слова:

И сказал Повелитель Мух
Ну-ка опустишь на мою ладонь,
Ешь, пей – не печалься,
Так бери, не проси напрасно.
Долго ли длится счастье?
Долго ли длится счастье...
Пока я сжимаю пальцы.

...Дым, дым и еще раз дым! Легкие тени, тихие шорохи. Крадется Ужасная Белка. Разводит руками Умный Шаман...

Глава 8

...Солнце упрямо цеплялось за горизонт...

– Черта Лысого! – думала Маня Мертвецкая, зло хихикая, наблюдая эти бесплодные попытки. Они стояли на берегу реки, Маня и Зина Нулевич-Чудесная. Предвкушение похода к Врагу, вкуса чистой Живой Крови, ярости атаки – все поднимало в душе их бурю восторга. Кожа бледнела, зубки почесывались, тело теряло вес. Радостное Счастье играло на Счастливой Трубе.

Солнцу же явно было нехорошо. Оно злилось, пыхтело и краснело. Ему не хотелось терять небо. Черта лысого!

Тонкие изящные пальцы Мани Мертвецкой держали мешок с Новой Травой. Где-то уже остыл труп Потапа Плинтусова.

– Маничка! Мешка будет много! – это Зина озабоченно подала голос.

– Нормально. Какая охота без передозировки?

А солнце сдавало позиции. Широко растопырив последние хлипкие лучики, оно, казалось, хныкало: «Ну, на хрена же? Ну, погодите!»

Черта лысого!

...А за рекой колбасились Враги. Готовились к ночи. Стелили постели. Не знали, чем кончится их сон...

...Маня ласково погладила себя по ягодицам: «Когда я была маленькой, папа посадил меня на кактус...» – задумчиво произнесла она, чтобы как-то сократить ожидание. В небе пророкотал тяжелый бомбардировщик. Заговорили зенитные орудия. Пробежал Ванька Темкин с огнетушителем. Запахло паленым. Маня прикурила и продолжила: «А теперь я стреляю сигареты у пролетающих мимо самолетов...»

Зина удивленно пригляделась. Сигареты действительно были трофейными. «Вот ведь как!» – подумала она.

Солнце, наконец, смирилось. Зажигались звезды. Пробежал, уже без огнетушителя, Ванька Темкин. Вечернюю пробежку совершал и Осип Мухин. Его огромные, не по размеру, трусы, красноватым пятном маячили в Степи. Вечер был необычайно тих и спокоен. Где-то догорал разрушенный бомбардировкой курятник. Потерявший гарем и достоинство Одинокий Петух угрюмо сидел на пепелище.

«Через часок – другой пора», – сообщила Зина. Сердце билось ровно. Кушать хотелось стабильно. Враг клонился ко сну.

Зина и Маня ждали нужного времени...

Враг ничего не ждал...

На холме торчал Умный Шаман...

Маша мыла Белку, Белка грызла Машу...

Глава 5

Глаза на стенах. Кто-то их боится, кого-то они нервируют, а кое-кто без них жить не может. Вот к таким-то и относился Григорий Недопетый.

Со стен его комнаты, отовсюду, смотрели глаза. Портреты друзей, знакомых, случайных жертв и прочих личностей были развешаны шаловливой рукой Создателя беспорядочно и небрежно. В некоторых светилось счастье, в других ужас, а в иных вообще полный идиотизм. Последние выглядели наиболее привлекательно и забавно.

Григорий был основательно взволнован. Жёлтый глаз новорожденной Луны призывно всматривался в открытое окошко. Чего-то хотелось. Мысли переплетались в клубочки ядовитых тварей. «Чтобы такого сделать плохого?» – не отпускала навязчивая идея.

Казалось бы – пора спать. Сна, однако, не было. Тоска, вязкая как канцелярский клей, медленно обволакивала душу. Создатель отошёл от окна и стал задумчиво одеваться. Он не знал, куда идти и ему было монументально безразлично. Григорий подошёл к зеркалу. Оттуда на него ошалело глядело здоровое лицо Маши Бодровой.

– Ой, бя... – испуганно прошептал Создатель. Луна по подлому и абсолютно неприлично захохотала, вызывая потребность непотребно выражаться.

– Ой, бя... – эхом пронеслось по Степи.

Глаза ползли на лоб. Дыхание останавливалось. Выражение здорового лица Маши не менялось. На нём светилось чувство бодрости и симпатичный синяк.

Логика пересиливала эмоции в мозгу Начальника Контрразведки.

«Если лицо не меняется, значит, я уже умер, – Григорий робко улыбнулся, лицо всё равно оставалось неподвижным. – Я где-то видел этот синячок.»

И действительно, то яркое произведение было состряпано прикладом охотничьей винтовки Кости Краснухина, когда Маша помогала стрелять в Большую Птицу, и Костя промахнулся.

«Так... Память меня ещё не подводит. Но ведь дело было давно, – прорезалась верная идея у Создателя, – значит... значит... Идиот! Значит, это не зеркало! Значит – это Машин портрет. Григорий повернул взгляд в сторону и на этот раз всё-таки зацепил зеркало. Оно было пустым!

Облегчённо вздохнул Создатель. Понял, что это не поправимо, понял, куда надо идти. Он, не особо спеша, зашёл в соседнюю комнату. На широкой кровати спала Не Та Женщина. Сладко улыбаясь, Григорий, повидавшей многое боевой саблей, ласково отрезал спящей голову. Улыбка не покидала его. Красный узор проявился на белоснежном белье. Нацедив стаканчик, Создатель немедленно выпил. Потом выпил ещё. На душе стало игриво. Казалось – выросли крылья. С лёгким смешком Григорий выпорхнул в окно. Вслед ему уныло глядели глаза со стен. Они его не одобряли. А ему было пофигу. Он летел к Реке. Возможно, его там ждали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.